

©1999 г.

Ю.В. Арутюнян

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ: МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ

АРУТЮНЯН Юрий Вартанович - член-корреспондент, заведующий отделом социологии Института этнологии и антропологии РАН.

Ныне каждому известно об осложнениях, которыми отмечены национальные отношения в государствах, образовавшихся на огромных территориях бывшего Союза ССР. Время показало, что активизация властных и имущих групп, сумевших реализовать в своих целях национальную этикетку, спровоцировало там соперничество у народов и породило внутригосударственную напряженность. Это отчетливо просматривается в различных областях социальной жизни постсоветских обществ.

Между тем в этой, на первый взгляд, ненормальной ситуации есть своя неумолимая логика. Постепенное историческое выравнивание социально-культурного положения наций в условиях демократизации государственного устройства расширяет возможности политической конкуренции их лидеров, использования последними этнических рычагов для утверждения собственных и групповых позиций. Не потому ли сегодня вызывает сомнение тезис уже изрядной давности о том, что "предубеждения и конфликты ослабевают, если контактирующие группы обладают одинаковым статусом" [1]. Скорее наоборот, "быстрые изменения в статусе отстающих групп ведут к большей конфликтности" [2].

Обострение национальных отношений может иметь двойное проявление — институциональное и личностное. И то, и другое находятся во взаимодействии, постоянно влияют друг на друга.

Понятно, государственность отражает институциональные перемены в национальных отношениях, которые произошли с распадом СССР. Главное, что случилось - это полное исчерпание себя прежним социальным организмом, от государственного до группового уровня. Причем необходимость назревших сущностных сдвигов в первую очередь определилась на макроуровне - в экономических, политических и идеологических срезам. Однако надобно учитывать, что проблемы строительства новых государств органически переплетены со всей совокупностью межличностных национальных связей и контактов. Об их состоянии и происшедших тут переменах дают известное представление результаты широкомасштабного исследования "Оптимизация социально-культурного развития наций" (ОСУ), осуществлявшегося в 1970-80-90-е годы Институтом этнологии и антропологии РАН в кооперации с социологами Эстонии, Молдовы, Грузии и Узбекистана¹. С этой целью использовано весьма эффективное и признанное мировой социологией средство измерения - шкала Богардуса.

---

¹ Материалы получены в ходе опросов населения столиц названных республик, где интервьюировалось по 1000-1400 человек, значившихся в списках избирательных участков городских районов. Выборка применялась двухступенчатая, уточняемая по домовым книгам проживания. Методика исследования и выборки подробно изложена в [2].

Таблица 1

Положительные установки на работу в многонациональном коллективе и национально-смешанный брак (в%)

Группы	Национальность не имеет значения			
	При совместной работе		В браке	
	1980-е гг.	1990-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.
Таллин				
Все население	65	41	47	39
Эстонцы	59	36	34	12
Русские	73	79	65	62
Кишинев				
Все население	81	69	55	54
Молдаване	80	73	55	46
Русские	79	59	55	53
Москва				
Все население	78	80	71	53
Тбилиси				
Все население	83	74	27	19
Грузины	81	66	17	10
Русские	85	90	57	53
Ташкент				
Все население	86	59	44	13
Узбеки	80	52	26	6
Русские	91	63	54	24

Из многомерной шкалы для приводимых в настоящей статье 1-й и 2-й таблиц автором выделены два "крайних" показателя межнациональных отношений - наиболее "интимные", брачные и достаточно "открытые", производственные.

Знакомясь с таблицей 1, мы видим, что среди русских различия в зафиксированных установках на совместный труд с представителями других национальностей, так же как и на национально-смешанное супружество, гораздо менее заметны, чем у титульных наций. Дистанция, разделяющая восприятие респондентами производственной и брачной сфер в рассматриваемом ракурсе, особенно отчетлива на "восточном меридиане". Узбеки почти исключают национально-смешанную семью, тогда как работать в многонациональном коллективе по преимуществу готовы. У грузин разрыв здесь тоже очень заметен. Меньше выражены расхождения эстонцами и совсем слабо молдаванами. Русские как в "своей", так и в инонациональной обстановке в целом почти одинаково ориентированы и на работу в многонациональном коллективе, и на национально-смешанный брак. Причины отсутствия явных национальных барьеров у них объяснимы: большой нации не угрожает депопуляция, как эстонцам, к тому же они не отделены от других народов духовно-культурными, религиозными барьерами, как узбеки.

Очень важно иметь в виду не только сколь глубоки различия ориентаций этносов, но и как эти ориентации меняются со временем. Этому и служат панельные исследования, проведенные в рамках ОСУ с интервалом примерно 8-10 лет. За сей период положительные установки по обеим позициям у лиц коренной национальности исследуемых регионов, исключая Россию, резко ухудшились (см. табл. 1 и 2). Это результат осуществлявшегося в странах ближнего зарубежья политического курса на сепаратизацию от "имперской державы".

Таблица 2

Национально-смешанные браки лиц коренных национальностей (в % к общему числу браков)

Периоды	Таллин	Кишинев	Тбилиси	Ташкент
1980-е гг.	8	24	–	6
1990-е гг.	4	16	3	3

Таблица 3

Наличие близких инонациональных друзей (1991-1994 гг, в %)

Группы	Таллин	Кишинев	Тбилиси	Ташкент
У лиц коренной национальности	6	26	13	13
У русских	27	57	68	39

Изменения в национальных ориентациях жестко соотносятся с реальным поведением населения, что также зафиксировано исследователями. Скажем, рост отрицательных установок на национально-смешанные браки у коренных национальностей вне России, несмотря на сравнительно небольшой временной отрезок, уже сопровождался сокращением таких браков. У русских же, напротив, в соответствии с закреплением устойчивой склонности к межэтническим контактам количество национально-смешанных семей в исследуемых регионах даже увеличилось (хотя бы потому, что именно русские, состоящие в смешанных браках, реже уезжали оттуда на Родину).

Так же благотворно сказывалась присущая русским общительность и в другой плоскости повседневных житейских соприкосновений. Их дружеские связи с людьми многих национальностей, по собственной оценке, сохранялись и неуклонно расширялись (табл. 3).

Большая разница в распределении друзей из круга лиц, принадлежащих другим национальностям, между русскими и лицами титульного этноса объясняется также влиянием статистических факторов - относительным преобладанием численности коренной национальности и оттого более высокой вероятностью инонациональных контактов русских.

Выразительным индикатором межнациональных отношений в бывших советских республиках стала возросшая миграция русского населения. В исторически обозримом прошлом доминирующим в миграционных процессах был приток рабочей силы и специалистов из российского Центра на окраины громадной державы. Но с социально-экономическим развитием национальных регионов стал действовать некий тормозной механизм. В 1960-70-е годы обозначилось даже отрицательное сальдо миграции на территории Закавказья, а по данным переписи 1989 г. - и в большинстве республик Средней Азии. Эти тогда еще робкие трансформации в территориальном перемещении превратились в послеперестроечное время уже чуть ли не в повальную миграцию русских из всех неславянских ближнезарубежных стран. С начала 90-х годов в Кишиневе, Тбилиси и Ташкенте число желающих уехать отсюда неизмеримо возросло (табл. 4). Умеренный отток и скромная ориентированность на мигрирование сохранялись в Прибалтике, где вопреки межнациональным осложнениям, вероятно, давали о себе знать близость русским европейских культур и относительно сносные условия жизни. В общей сложности из республик экс-Союза за 1992-96 гг. в Россию мигрировало свыше 10% проживавших там русских - почти 2,9 млн. человек, больше, чем за предыдущие 15 лет [3]. При таком притоке мигрантов-беженцев сильно затрудняется проблема адаптации [4].

Русские, ориентированные на миграцию (в % к русскому населению)

Таллин		Кишинев		Тбилиси		Ташкент	
1974 г.	1991 г.	1981 г.	1993 г.	1980 г.	1994 г.	1979 г.	1991 г.
23	21	20	42	19	41	15	40

Российское руководство чем дальше, тем более осознает необходимость заботы о русском населении ближнего зарубежья. Это проявляется в системе межгосударственных договоренностей, что, в частности, нашло отражение в недавней российско-казахстанской декларации "О вечной дружбе и союзничестве" [5].

Такова действительность. А как оценить перспективу? Является ли вообще массовая миграция из-за кордона неизбежностью и, по существу, инструментом решения национальных проблем, обострившихся вследствие крушения СССР? Конечно, нет. И прежде всего потому, что она в относительно сжатые сроки просто нереальна, ибо требует от принимающей страны колоссальных расходов, широкого жилищного строительства, обеспечения занятости пришлого населения, продовольственных ресурсов - всего того, что осуществить сейчас невозможно. Вот почему даже при всем внимании и поддержке мигрантов русские в подавляющем своем большинстве еще долго останутся в странах нынешнего пребывания. Совершенно очевидно, стратегически решать набравший вопрос нужно не миграцией, а иными, "более капитальными" средствами.

Самый верный путь - стремление самих граждан максимально адаптироваться в местной среде, полностью включиться в республиканскую жизнь, теснее контактировать с коренными нациями, приобщиться к их культуре, овладеть национальным языком. Ведь именно этим путем пошли в России многие люди нерусских национальностей, не имеющие здесь "своих" административно-государственных образований. Подобная органическая адаптация пока, увы, недоступна русским (особенно старшим поколениям), оказавшимся в одночасье волею судьбы за пределами своей исторической Родины.

Кроме Белоруссии и Украины, для русских довольно благоприятных славянских республик, они наиболее сконцентрированы в республиках Прибалтики и Молдове, с одной стороны, в Средней Азии и Казахстане, с другой. Но, как думается, на Западе и Востоке им предоставляются разные шансы для оптимального решения национальных проблем и вживания в иноэтничное окружение. Вот некоторые сравнительные данные нашего исследования в Таллине и Ташкенте, подтверждающие этот вывод. Русские, историческими корнями соединенные с узбекской столицей крепче, чем с эстонской (среди русских, проживающих в первой, 2/3 - здешние уроженцы, тогда как во второй уроженцев русского происхождения лишь 42%), тем не менее привязаны к Ташкенту почти в 2 раза слабее, нежели к Таллину (см., к примеру, табл. 4). И это понятно: у них с эстонцами, о чем говорят полученные исследователями свидетельства, немало сходства в семейно-бытовых отношениях, культурных интересах, музыкальных вкусах и даже политических и социальных ориентациях. Только 1/3 русского населения Таллина совсем не знает эстонского языка, а 16% владеют таковым хорошо или совершенно свободно (показатели жителей Ташкента соответственно 71% и 8%). Существен и фактор религиозности. Узбеки практически все верующие - мусульмане (в Ташкенте их 85%, почти все остальные - 12% - "колеблющиеся"). Эстонцы же и русские при одной христианской религии, хотя и разных церквях, долю в категории верующих составляют невеликую (в Таллине она совпадает - 19%).

О реализации потенциальных приспособительных возможностей в эстонских условиях, которыми располагают русские, можно судить по социально-профессиональной мобильности. Знание эстонского языка во многом устраняет разницу в общественном статусе между русскими и эстонцами. По данным ОСУ среди русских, владеющих

эстонским языком, так же, как среди эстонцев, 3% заняты на руководящей работе, 23-24% и тех, и других - специалисты квалифицированного умственного труда. Добавим еще, что в этой части русского населения страны, пусть и незначительно, преобладает положительная оценка утвердившегося суверенитета Эстонии (42% против 37%).

Словом, эти и многие другие обстоятельства показывают, что адаптивная перспектива русскоязычных меньшинств на пространствах ближнего зарубежья достаточно реальна в европейских и весьма сомнительна в восточных республиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Allport J.* The Nature of Prejudice, Cambridge, Mass. Addison. Wesley, 1959. P. 16.
2. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Суколов А.А.* Этносоциология. М., 1998. С. 198.
3. См. Население России. 1997 год. М.: 1998. С. 109.
4. См. *Мельник Е.А.* О социальных и криминогенных последствиях вынужденной миграции в южных районах России // Социс. 1998, № 5.
5. См. Известия. 8.07.1998.